

Девушкам перевоплощаться в мужские роли было куда проще: подложил подплечники, а дальше — только работа визажиста над лицом.

А вот парни застряли на первом же шаге — переодевании.

Даже у Чу Цинюня, самого худощавого на проекте, на ногах росла растительность. Женский же образ требовал обнажить ноги, так что съёмочная группа первым делом потребовала провести тотальную депиляцию. Избежать этой участи удалось лишь Чжоу Чи, чьё сценическое облачение было глухим и закрытым.

— Да у меня вообще-то длинная юбка, — попытался оправдаться Шао Жань, надеясь, что костюм в стиле династии Тан спасёт его от экзекуции.

Однако стилист безжалостно притянул его обратно:

— В вашей сцене вы будете в ханьфу с высокой талией. Ноги можем не трогать, но вот подмышки придётся обработать воском.

Даже всегда степенный Шао Жань издал страдальческий стон:

— Пощадите!..

Ради пущего шоу съёмочная группа выбрала самый болезненный, но при этом максимально эффективный метод — ваксинг. Пока девушки спокойно переодевались, на нескольких парней, которым требовалось очистить лишь руки, уже нанесли горячий воск. Теперь они сидели с отрешённым видом, безропотно ожидая, пока масса застынет.

— Вам предстоит надеть ципао с разрезом до самого бедра. Так что руки, ноги, подмышки — абсолютно всё должно быть гладким, ни единого волоска.

Мужчина-стилист, с трудом сдерживая смех, подошёл к Чу Цинюню и Сун Сюйяну с баночкой воска в руках.

— Остальным ещё повезло, им можно обойтись малой кровью. А вот вам двоим придётся пройти полную зачистку.

Сун Сюйян скривился, готовый вот-вот разрыдаться:

— Полную?.. Это хоть как производственную травму оформят?

Даже профессионал Чу Цинюнь не спешил соглашаться:

— Здесь камеры...

Боль он перенести мог, но устраивать бессмысленный стриптиз перед объективами категорически отказывался.

— Не переживайте, — поспешил успокоить их мастер. — Никто не заставит вас раздеваться прилюдно. Мы временно отключим петлички на этом канале и задвинем ширму.

Словно в подтверждение его слов, ассистенты тут же развернули плотную занавеску. Шао Жань, обречённо вздохнув, первым снял микрофон и ушёл на заклание. Спустя пару минут за ширмой раздался резкий треск отдираемой полосы, а следом — полный непередаваемой муки вопль Шао Жаня.

Никакие петлички не понадобились — крик был такой силы, что его без труда расслышали даже в самом дальнем углу студии.

У Сун Сюйяна натурально подкосились ноги. Пытаясь найти крайнего, он накинута на Чу Цинюня:

— Стоит с тобой связаться — жди беды!

Чу Цинюнь даже бровью не повёл. Он был полностью поглощён советами Хэ Юэ, которая как раз делилась бесценным опытом депиляции.

— Там, где дотягиваетесь сами, лучше рвать самостоятельно, — заговорщически шептала девушка. — Так вы хотя бы будете морально готовы к рывку. Перед самым действием задержите дыхание. На самом деле адски больно только в первый раз, потом кожа просто немеет. И ради всего святого, берегите волосы на голове. Если воск попадет туда — пиши пропало.

Хэ Юэ сочувствующе улыбнулась:

— Держитесь там. Удачи.

— Спасибо, — кивнул Чу Цинюнь и, увлекая за собой упирающегося Сун Сюйяна, шагнул за ширму.

Зрители трансляции тем временем покатывались со смеху.

[— А-ха-ха, я впервые вижу у Ху Имина такое лицо! Он, небось, уже проклял тот день, когда согласился на это шоу!]

[— Воск! Боже мой, это же адски больно! Даже просто думать об этом страшно!]

[— Я-то гадал, как они собираются щеголять в платьях с мохнатыми ножищами. А тут такая драма в прямом эфире! Обожаю это шоу!]

[— Хуже всех пришлось Чу Цинюню и Сун Сюйяну, бедолаги.]

[— Слушайте, а Сяомао, который вечно сам по себе, согласился быстрее всех! Стоит делу коснуться актёрской игры, как он становится невероятно послушным.]

[— Ну так он сам выбрал ципао. Если бы он сейчас пошёл на попятную, это был бы знатный самострел.]

[— Да плевать на всё, одно зрелище того, как из них делают шёлковых кукол, стоит того! Безумно хочется увидеть их женские образы.]

За ширмой стояло несколько передвижных кушеток. На одной из них распластался заплаканный Шао Жань. Пока мастер методично покрывал его кожу восковым составом, актёр попытался изобразить гостеприимство:

— Ну что, страдальцы? Вам только низ или верх тоже?

— Всё, — лаконично отозвался Чу Цинюнь.

Шао Жань разразился злорадным хохотом.

В такие минуты трещала по швам даже самая крепкая мужская дружба. Чэнь Сяоди, который пробрался сюда тайком, чтобы морально подготовиться и не опозориться перед камерами, тоже прыснул со смеху.

— Брат Чу, век тебя не забуду! Благодаря твоей подсказке мне нужно ободрать только руки и ноги.

— Не за что, — отозвался Чу Цинюнь.

Своей растительностью парень никогда не выделялся, так что фронт работ предстоял небольшой. Стилист предложил обрабатывать зоны поэтапно, но Чу Цинюнь качнул головой:

— Давайте всё сразу, сэкономим время.

Присутствующие ошарашенно уставились на него. Сун Сюйян, задетый за живое такой

демонстрацией мужества, мгновенно воспылал духом нелепого соперничества. С трагическим видом он сорвал с себя одежду:

— И мне тоже! Всё сразу!

Не прошло и десяти минут, как воск полностью застыл. Стилист протянул Чу Цинюню чистое полотенце:

— Возьми. Если не хочешь, чтобы снаружи услышали твои вопли, можешь зажать его зубами. Оно стерильное.

— Не нужно, — Чу Цинюнь просто сжал ткань в кулаке и отвернулся, давая понять, что готов.

Стилист понял, что парень предпочитает быструю расправу долгой пытке, и медлить не стал. Несколько резких, хлестких движений — и застывший воск был безжалостно сорван. Мастер тут же принялся втирать успокаивающий крем в покрасневшую кожу.

За всё время Чу Цинюнь лишь пару раз глухо застонал. На лоб его выползли крупные капли пота, но он выдержал экзекуцию стойко, заставив всех свидетелей онеметь от изумления.

Сразу стало ясно: перед ними человек, способный без тени сомнения прямо на сцене сломать себе палец. Болевой порог у него был невероятный.

— С ума сойти, — выдохнул стилист. — Ты первый на моей памяти, кто даже не пикнул. Неужели совсем не больно?

Чу Цинюнь стёр холодный пот со лба:

— Терпимо.

Бывало и хуже. Во всяком случае, это не шло ни в какое сравнение с приступами его болезни.

Шао Жань, наблюдавший за этой сценой с открытым ртом, вдруг что-то вспомнил. Лицо его просветлело от понимания:

— А-а, я понял. Ты сегодня принял лекарство, да?

Стилист в этот момент отошёл приводить в чувство остальных бедолаг, так что посторонних рядом не оказалось. Сун Сюйян тут же наострил уши:

— Какое ещё лекарство? Что за таблетки он пьёт?

— Ты не в курсе? — Шао Жань искренне считал, что за пределами шоу эти двое близко общаются, поэтому удивлённо покосился на Чу Цинюня.

Чу Цинюнь, как раз натягивавший одежду, равнодушно кивнул, разрешая говорить.

— Большинство антидепрессантов притупляют тактильную чувствительность и снижают болевой порог, — пояснил Шао Жань.

— Депрессия? — Сун Сюйян нахмурился, в упор разглядывая Чу Цинюня. — Парень, да через что же ты прошёл?..

Шао Жань, уже успевший одеться, деликатно удалился, оставив их наедине.

Воспользовавшись отсутствием камер, Сун Сюйян наконец озвучил вопрос, который мучил его весь вечер:

— Ты действительно меня не помнишь? Вообще?

— Я с трудом могу восстановить в памяти события последних нескольких лет, — честно признался Чу Цинюнь.

— Последних лет? — Сун Сюйян не просто расстроился, он явно обиделся и сердито фыркнул: — Значит, ты снова меня не узнал! Зря я вчера выгораживал тебя перед остальными.

Чу Цинюнь недоумённо изогнул бровь:

— Разве мы познакомились недавно?

Он точно помнил свои первые восемнадцать лет жизни и был абсолютно уверен, что никакого Сун Сюйяна тогда рядом не было. Мог ли тот сменить имя?

— Ты ведь тоже из детского дома? — спросил Чу Цинюнь.

Однако Сун Сюйян уже демонстративно отвернулся от него и позвал стилиста.

Поняв, что диалога не выйдет, Чу Цинюнь не стал настаивать. Он молча оделся, покинул импровизированный кабинет депиляции и направился в гримёрку своей команды, готовившей сцену из «Кровавой луны».

— Привет мученикам! — весело окликнула его Хэ Юэ.

Она уже примерила военную форму и как раз поправляла парик. Заметив Чу Цинюня, девушка помахала ему рукой:

— Ну как всё прошло? Живой? Странно, я почему-то не слышала твоего голоса.

Будто в ответ на её слова, из-за ширмы донёлся истошный, утробный вопль Сун Сюйяна: «А-а-а-а-а!»

Чу Цинюнь закрепил на поясе передатчик петлички:

— У меня высокий болевой порог.

Хэ Юэ уважительно подняла большой палец вверх.

К нему подошла закреплённая за их группой гримёрша с охапкой вещей:

— Так, держи дуду, надевай под низ — и начнём переодеваться.

Чу Цинюнь взял шёлковый нагрудник, но надевать не спешил:

— Скажите, а вы уверены, что дуду здесь уместен?

— Конечно, — отозвалась женщина, прикладывая к его плечам разные вешалки с платьями. — У нас ведь эпоха Китайской Республики. Хотя в самом фильме этот момент детально не показывают, под костюм надеть придётся, иначе силиконовую грудь закрепить не на чем.

— Но в сценарии чётко указан тысяча девятьсот какой-то год, — возразил Чу Цинюнь. — В то время под влиянием западной моды прогрессивные китайки уже давно перешли на европейское бельё. Наша героиня — преподавательница английского, она просто физически не могла носить традиционный нагрудник.

Гримёрша застыла с вешалкой в руках:

— Оу... Пожалуй, ты прав. Подожди секунду, я уточню у исторического консультанта.

Не теряя времени, Чу Цинюнь взял у неё ципао своего размера. Отодвинув в сторону коробку с колышущимися силиконовыми накладками, имитирующими пышный бюст, он с абсолютно невозмутимым видом перерыл гору бутафорского белья и выудил простую хлопковую майку без лишнего объёма. Примерив её перед зеркалом, он кивнул своим мыслям.

Хэ Юэ, наблюдавшая за этим процессом из кресла визажиста, только рот приоткрыла от

изумления.

На этом проекте она привыкла беспрекословно выполнять любые указания организаторов, боясь лишний раз задеть персонал или прослыть капризной звездой. Ей и в голову не могло прийти, что можно вот так, с ходу, оспорить решение профессионального гримёра ради исторической достоверности образа.

Казалось, Чу Цинюнь пришёл сюда не соревноваться в телешоу — он по-настоящему жил этой ролью.

Заметив её пристальный взгляд, Чу Цинюнь повернулся:

— Что-то не так?

— Да нет, просто... ты так хорошо во всём этом разбираешься.

— Моя мать преподавала историю, — просто ответил он, вешая майку на плечики. — У нас дома всегда было много книг на эту тему.

В этот момент из холла донёсся дружный взрыв смеха и свист.

Обернувшись, он увидел, что двое участников из других команд уже натянули женские наряды. Их плотным кольцом обступили операторы и соперники, нещадно подтрунивая над нелепым видом новоявленных «красавиц».

— Перестаньте пялиться! — взмолился Чэнь Сяоди, стыдливо прикрывая руками бутафорскую грудь. На его лице читалось глубочайшее отчаяние. — Брат Чу меня нагло обманул! Это выглядит дико! Какое уродство!

— Да брось, тебе очень идёт! — покатывались со смеху коллеги по цеху.

Чу Цинюнь не удержался от улыбки, глядя на уморительный вид парня, и скользнул за занавеску своей примерочной.

Спустя полминуты вернулась взмыленная гримёрша:

— Я всё узнала, действительно, исторически... Ой, а где Чу Цинюнь?

Оператор, закреплённый за актёром, кивнул в сторону наспех сооружённого закутка в центре зала.

— Он уже переодевается? Зачем так торопиться, мы же ещё не подобрали накладные бёдра...

— Кто переодевается? Чу Цинюнь? — зычно поинтересовался только что освободившийся из плена восковых полос Сун Сюйян. Глаза у него всё ещё блестели от пережитых слёз.

Его голос мгновенно разнёсся по гримёрной, привлекая всеобщее внимание.

— О, Чу Цинюнь уже оделся!

— А во что? У него вроде бы ципао?

Парни, уже успевшие нацепить свои наряды, жаждали увидеть чужой позор, чтобы не чувствовать себя единственными клоунами. Те же, кто всячески оттягивал неизбежное, шатаясь по углам, бросились к ширме. Любопытствующие девушки тоже не остались в стороне. Буквально за пару секунд у примерочной собралась целая толпа во главе с режиссёром.

— Ну что, встречаем очередную «красавицу»!

На самом деле, какими бы тонкими ни были черты мужского лица, без профессионального грима женская одежда всегда смотрелась нелепо и чужеродно. Нахотавшись вдоволь над предыдущими жертвами эксперимента, все с предвкушением ждали провала Чу Цинюня, которого фанаты и пресса превозносили за эталонную внешность.

Плотная ткань занавески колыхнулась. Тонкие, бледные пальцы изящным движением отодвинули край ширмы.

Присутствующие затаили дыхание, невольно прослеживая взглядом линию руки — точёной, безусловно гладкой, с едва заметным изгибом нежных вен под фарфоровой кожей. Длинные тёмные пряди мягко рассыпались по узким, хрупким плечам. Отрез шёлка плотно облегал невероятно тонкую талию, переходя в смелый разрез, открывающий взору стройную, ослепительно белую ногу.

Из полумрака кабинки медленно выступила изысканная, дышащая прохладой красавица былых времён. Одной рукой она слегка опиралась на косяк, а во второй держала веер, стыдливо прикрывая нижнюю часть лица.

Шёлковый полукруг веера и ниспадающие прямые волосы искусно скрывали любые намёки на гендерную принадлежность. Плавные, но лишённые вульгарности изгибы силуэта казались верхом совершенства. Яркий, вызывающе роскошный узор из распустившихся пионов на ткани ципао в этом образе приобрёл неожиданное благородство, лишившись всякой крикливости. От этой фигуры веяло неподдельной утончённостью и духом ушедшей эпохи — пожалуй, даже сильнее, чем от стоявшего неподалёку Чжоу Чи в его традиционном оперном облачении.

— Твою мать... — выдохнул ошарашенный Сун Сюйян.

— Обалдеть... — эхом отозвался кто-то из толпы.

Зрители у экранов готовы были поклясться, что в этот момент у динамиков отчётливо зазвучал чей-то судорожный сглот.

— Сун Сюйян, помоги мне.

Из-за веера сверкнули влажные, слегка покрасневшие глаза. Взгляд скользнул по застывшим лицам, и прозвучал тот самый — до боли знакомый, неизменно холодный и ровный голос:

— Я не могу удержать равновесие на этих каблуках.

<http://bllate.org/book/20480/2162658>